

Батон

Марго Луря

Марго Лурия Батон

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70458307
SelfPub; 2024*

Аннотация

Я никогда не любил эти обои. Но моей жене они нравились. Она любила всякую вычурность, а я хотел дать ей возможность создать свой дом. Когда она ушла, я понял, что мы оба пытались забить пустоту внутри, только делали это по-разному.

Марго Лурия

Батон

Пока шёл дождь, я разглядывал узоры на обоях, сидя на диване. Серые витиеватые линии на голубом фоне росли прямо из пола, они доходили до самого потолка, становясь все тоньше и тоньше.

Я никогда не любил эти обои. Но моей жене они нравились. Она любила всякую вычурность, а я хотел дать ей возможность создать свой дом. Мне не нравилось ничего из того, что она покупала ни ажурные вазы, ни бархатные коврики, ни занавески с цветочками. Но мне нравилось, с каким энтузиазмом она подходила к выбору каждой вещи, с какой тщательностью она подбирала цвета и формы. Мне нравилось смотреть на неё даже в антураже этого барахла.

Когда она ушла, я понял, что мы оба пытались забить пустоту внутри, только делали это по-разному. Я не виню её за то, что она ушла, но я осознал, что ненавижу все, что она сделала в этом доме, что меня раздражает каждая деталь, которая раньше умиляла рядом с ней. Прошло не так много времени, и я все думаю, в какой момент все пошло не так, и почему теперь меня бесит даже сама мысль о ней. Может, устали друг от друга? Но что же любовь не живёт вечно? Может, не знали друг друга? Почему же я был тогда так слеп? Эти жуткие обои, словно символ наших отношений, такие

же пустые, хоть и с множеством деталей. Иногда мне кажется, что эти ракушки на обеденном столе не интересовали её также, как и меня, но они почему-то все же должны были быть там.

Когда я приходил с работы, она готовила мне ужин в своей ультрамодной мультиварке. Все что нужно было сделать, это положить в неё еду и нажать на кнопку, остальное мультиварка сделает за вас, но моя жена умудрялась создать вокруг этого целое шоу, будто готовит вручную какое-нибудь ресторанное блюдо. Она танцевала на кухне, пока я приходил в себя после тяжёлого трудового дня, и никто из нас не был увлечён друг другом. Будто я приходил в пустой дом, а она готовила для себя.

Она была мила и привлекательна, и мне нравилось на неё смотреть, но она была лишь хорошо переданным изображением. Когда мы приходили к друзьям, мы были словно эталоном супружеской жизни. Все завидовали нашей квартире, обставленной дорогой и модной мебелью. Все завидовали мне, с такой женой, говорили они, все нипочём. Они восхищались картинкой, как и я своей неживой женой. Но нас все устраивало. Удивительно, но никто и подумать не мог, что мы живём неправильно. Брак, квартира, деньги, отдых за границей, разве все не может быть лучше. Только когда она ушла, я понял, как ошибался. Я не виню её за то, что она ушла, винил бы за то, что она осталась. И я виню себя за то, что не понял всего этого раньше, не спас её и себя, не спас б

лет нашей супружеской жизни. Я дурак, который повёлся на красоту, который побежал за бабочкой.

В институте среди целого роя бабочек она была самой милой и нежной. Мы встречались три года, пока я не сделал ей предложения. Не знаю, почему я выбрал её и уж точно не знаю, почему она выбрала меня. Наверное, я повёлся на красоту, а она на достаток, уже тогда я имел приличный багаж. Хороши. 9 лет прошло, а я не знаю даже какой у неё любимый цвет, что она любила делать в свободное время, с кем делилась своими мыслями и чувствами. Я знаю, что у неё были мужчины помимо меня. За это я её тоже не виню. И не потому, что у меня тоже были другие женщины, а потому что это её выбор. Мы все заслушиваем счастья, надеюсь, она его нашла.

Дождь закончился, но я не спешил уходить. То ли мне нравилось сидеть и жалеть себя, то ли я просто не хотел повторения тех эмоций, после которых снова наступает разочарование. Однако я все же решился выйти. Узнав о моем, к сожалению, ещё только предстоящем разводе, друзья, как и предполагалось, решили меня выгулить.

Я пришёл в место, где царила красота, я мог выбрать любую. Я был привлекателен, хорошо одет, приятно пах. Женщинам это нравится. Но был абсолютно пуст внутри. Как оказалось, и это некоторым нравится. После общения с толпой подвыпивших девушек я уже было принял вечер за неудачный, как вдруг кастинг на одноразовую любовь ре-

шила пройти ещё одна. Она была самой красивой девушкой из всех, кого я когда-либо видел. Приятная упругая кожа, отличная фигура с округлостями в нужных местах и длинные волосы, которые она то и дело изящно поправляла рукой. Мы разговаривали весь вечер. Я понял, что прилично выпил. После пары пройденных тем я заметил, что она почти все время молчит, изредка поддакивая, а весь этот прекраснейший вечер я говорил сам с собой. Тогда я спросил её напрямую, не хочет ли она поехать ко мне. Она ответила да. И я, простившись с ней, немедленно удалился, забыв про друзей, которые уже сами, наверное, давно разъехались по дамам.

Не стал заказывать такси, решил пройтись. Дождь еле-еле моросил. Я шёл, держа руки в карманах и опустив голову, полностью погруженный в свои мысли. Эта девушка напомнила мне мою все ещё жену. Такая же красивая и такая же не моя. Я бы даже сказал, что она напомнила мне не столько мою жену, сколько меня, неудачника не способного увидеть нечто хорошее, почувствовать это, прикоснуться и испить до дна. Я, почему-то, всегда начинаю со дна. Я бы мог поехать с ней, но не видел в этом уже никакого смысла. Я бы переспал с ней, возможно, начал бы встречаться, да что там говорить, я и жениться на ней мог бы, но при этом она никогда бы не стала моей.

Это меня убивало. Я хотел бы, чтобы кто-то мне принадлежал, но больше всего, честно говоря, я бы хотел сам ко-

му-то принадлежать. Быть нужным как кислород. Знаю, логичный вопрос: хочешь – сделай, в чем проблема? А проблема в том, что после ухода жены я понял, я даже не знаю, что и как делать, о чём, а главное, с кем, говорить. Поэтому все, на что я напарываюсь это такие вот хорошенькие куколки, неспособные в должной степени выразить эмоции, страсть, чувства, и не способные вызвать их у тебя. Я не зол на них. Возможно, они и способны на все это, просто не со мной.

Дождь стал немного усиливаться, и я прибавил шагу. У светофора я приостановился, пока горел красный, рядом со мной так же остановилась молодая девушка. Я не видел её лица, на ней было светло-коричневое пальто, а в руках чёрный зонтик. Она стояла и тихо напевала какую-то мелодию. Когда загорелся зелёный, она перешла дорогу и скрылась в тёмном переулке. А я, не сходя с места, смотрел ей в след. Когда же смотреть было больше не за кем, я, будто очнувшись ото сна, пошёл куда-то в сторону, даже не переходя дорогу. Кажется, я скучаю по ней. Возможно, даже не по ней, а по браку, какой-никакой семье, определённости, стабильности. Теперь ничего этого больше нет, я снова один. Даже зарабатывать больше нет смысла, все равно нет рядом человека, который будет все это тратить на всякую хрень, которая тебе даром не нужна.

По пути домой я зашёл в магазин за хлебом. Было поздно, в магазине никого не было, кроме скучающей кассирши, которая смотрела что-то в своём телефоне. Я быстро нашёл

прилавок с хлебом и стал искать глазами простую буханку в целлофане. Рядом лежали нарезные батоны, хлеб с отрубями, с семечками, булочки с джемом, творогом и даже с курицей, всякие коржи, слойки и кексы, но ни следа обычного белого хлеба. Чёрного, кстати, тоже нет, есть цельнозерновой, что бы это не значило, а просто чёрного нет. Немного нахмурившись, я подошёл к кассирше, с видом полного недоумения так, что даже она, не смотревшая на меня ранее, тут же откинула телефон и уставилась на меня.

– Где хлеб? – спросил я её в лоб.

– Простите? – она явно не имела желания разбираться в моих проблемах. – Там стенд с хлебными изделиями, – и указала на стеллаж, у которого я только что был.

– Мне не нужны хлебные изделия, – я начал повышать тон. – Мне нужен просто хлеб, обычный хлеб в прозрачном пакетике, а не вся эта мишура для фитнеса, где самое искреннее и чистое это пакетик. Хотя и в нем нет никакого смысла, потому что внутри одна хрень!

Молодая девушка смотрела на меня с неподдельным испугом, на её глазах уже начали появляться слезы. Я понял, что она мне ничем не поможет, махнул рукой и пошёл домой.

Я зашёл ещё в четыре магазина, и там тоже не было ни следа обычного хлеба. Где-то говорили: «мы такое не продаём». Да уж, тоже мне достижение! Где-то он просто закончился. Я был расстроен. Уже очень давно я не был так опе-

чален новостью о какой-то мелочи. Я поймал себя на мысли, что веду себя глупо, но почему-то от анализа ситуации и признание её бестолковой чувство грусти не ушло, а даже наоборот усилилось.

Посильнее натянув капюшон на нахмурившийся лоб, я побрёл медленным шагом в сторону дома. Разочарованный этим миром и своей в нём жизнью, я уже не видел свою роль во всем этом. О чём говорить, если я даже обычный хлеб найти не могу, не говоря уже о том, что я потерял жену, которую и вовсе никогда не имел.

Я уже готов был прыгнуть под машину от навалившегося груза жалости к себе, как вдруг увидел прилавок с хлебом. И там были не только хлебные, мать его, изделия, но и простой хлеб, обычный батон в целлофане. Я смотрел на него как зачарованный, в предвкушении покупки. Не отводя взгляд от прилавка, я дёрнул ручку двери, ведущей в магазин, но она мне не поддалась. Тогда я совершенно обозлённый начал дёргать её снова и снова, пока не наткнулся глазами на табличку «закрито».

– Да пошло оно все! – крикнул я, ударив по ручке двери, и пошёл уверенным шагом домой, растирая ушиб. Теперь уже с концами.

Больше я не заходил в этот магазин. Ни в этот, ни в какой-то подобный. Я снова женился. У меня растёт дочь. Обои моя новая жена переклеила. Теперь вместо витиеватых узоров, так раздражавших меня, у нас красивые ветви дере-

вьев, растущих из пола к самому потолку. И новая мультиварка, ибо старую забрала моя бывшая жена. Все хорошо, спокойно. Я снова счастлив. Только все равно что-то так хлеба хочется.